

Научная статья

УДК 340

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/104-114>

EDN: <https://elibrary.ru/QUQEFY>

Принципы государственно-правового регулирования отношений в контексте национального образа технологического будущего российского общества*

Мамычев Алексей Юрьевич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Матюк Юлия Сергеевна

Владивостокский государственный университет
Владивосток, Россия

***Аннотация.** Цель исследования – в контексте национального образа технологического будущего российского общества предложить принципы государственно-правового регулирования отношений на примере отношений с участием искусственного интеллекта. Предмет исследования – принципы государственно-правового регулирования отношений с участием искусственного интеллекта (ИИ) как инструмент государственной политики в сфере технологического развития и цифровой трансформации общества. Методологическая основа исследования опирается на разработки в области общей теории права и государства, отраслевых юридических наук и др. Для формирования принципов государственно-правового регулирования отношений в контексте национального образа технологического будущего российского общества использовались методы правового моделирования и прогнозирования, также задействованы методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, аналогии, применяемые для выявления специфики исследуемой темы и позволяющие сделать ряд обобщающих выводов. В результате проведенного исследования были сформулированы принципы нормативно-правового регулирования отношений с участием искусственного интеллекта: принцип служения человеку и обществу, принцип комплементарности системы, принцип ответственности человека, принцип осведомленности. Предложенные принципы направлены на гармонизацию системы правовой фиксации вопросов, связанных с данными технологиями, и минимизацию этических-правовых рисков, в том числе таких как сохранение антропоцентричности и гуманистической сущности права в отношениях человек-машина, справедливое распределение ответственности за вред, причиненный системой искусственного интеллекта, манипуляции человека «машиной», риски размывания и ухода от ответственности. Исследование темы позволило выявить, что основной задачей государственной политики в эпоху кардинальных технологических изменений и цифровой трансформации политической организации является обеспечение гармоничного сочетания инновационного (технологического) и социокультурного (цивилизационного) развития общества. На этом фоне выделяется новое направление, отвечающее данным вызовам и потребностям общественного развития, – технологическая политика государства. В рамках этого нового направления будет сформировано ценностно-смысловое наполнение новых цифровых прав, которое базируется на цивилизационных государственно-правовых основах страны. Полу-*

* Исследование выполнено в лаборатории политико-правовых и социально-экономических исследований Владивостокского государственного университета в рамках проекта № FZUG-2024-0005 «Образ технологического будущего России: цивилизационные основы проектирования и реализации» при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

© Мамычев А.Ю., 2024

© Матюк Ю.С., 2024

ченные в исследовании результаты могут быть полезны при совершенствовании доктринальных и программно-концептуальных правовых актов, создающих национальный образ технологического будущего российского общества, а также при формировании нормативно-правовых положений, касающихся государственно-правового регулирования отношений, в том числе с участием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *государственно-правовое регулирование, образ будущего, технологическая политика, правовая политика, права человека, искусственный интеллект, принципы права, опережающее правотворчество, цифровые технологии.*

Для цитирования: *Мамычев А.Ю., Матюк Ю.С. Принципы государственно-правового регулирования отношений в контексте национального образа технологического будущего российского общества // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2024. Т. 16, № 4. С. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/104-114>. EDN: <https://elibrary.ru/QUQEFY>*

Original article

Principles of state-legal regulation of relations in the context of the national image of the technological future of Russian society

Alexey Yu. Mamychyev

Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Moscow. Russia

Yulia S. Matyuk

Vladivostok State University
Vladivostok. Russia

Abstract. *The purpose of the article is to propose principles of the state legal regulation of relations, including those that use artificial intelligence, in the context of the Russian society's technological future national image. The subject of the research is the principles of relations' state legal regulation involving artificial intelligence as an instrument of state policy in the field of technological development and digital transformation of society. The methodology of the research is based on developments in the general theory of law and state as well as in specific legal branches. The methods of legal modeling and forecasting were used to formulate the principles of relations' state and legal regulation in the context of the Russian society's technological future image. The methods of induction and deduction, analogies, analysis and synthesis helped identify the specific features of the issue and allowed to make a number of general conclusions. As a result, some principles of standard legal relations' regulation involving artificial intelligence were formulated, such as ones of serving a person and society, of the power system's complementarity, of human responsibility, and their awareness of what is going on. All principles proposed are aimed at harmonizing the system of legal recording of issues related to these technologies and minimizing ethical and legal risks. They include those of preserving the anthropocentricity and humanistic essence of law in human-machine relations, fair distribution of responsibility for harm caused by the use of artificial intelligence, human manipulation by the "machine", and the risks of responsibility blurring and evasion. The research also revealed that the main task of state policy in the era of radical technological changes and digital transformation of the political organization is to ensure a harmonious combination of innovative (technological) and socio-cultural (civilizational) development of the society. This background gives birth to a new direction that meets these challenges and social development requirements, e.g. the state technological policy. Within its framework, the value-semantic content of new digital rights will be formed, based on the country's civilizational state and legal foundations. The research results can be used for improving doctrinal and programmatic-conceptual legal acts that create a national image of the Russian society's technological future, as well as for shaping regulatory and legal provisions concerning state and legal relations' regulation including those that use artificial intelligence.*

Keywords: *state legal regulation, image of the future, technology policy, legal policy, human rights, artificial intelligence, principles of law, proactive lawmaking, digital technologies.*

For citation: *Mamychyev A.Yu., Matyuk Yu.S. Principles of state-legal regulation of relations in the context of the national image of the technological future of Russian society // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University. 2024. Vol. 16, № 4. P. 104–114. DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/104-114>. EDN: <https://elibrary.ru/QUQEFY>*

Введение

В последние десятилетия на национальном уровне в рамках реализации государственной политики в сфере технологического развития и цифровой трансформации общества начали появляться разнообразные этические кодексы и стратегические доктрины. На глобальном уровне этот вопрос также уже входит в международную повестку дня [1]. Процесс доктринально-правового и ценностно-нормативного кодирования будет только усиливаться в ближайшее время.

Несомненно, что правовая политика государства будет формироваться как на основании все возрастающей технологизации общества, так и с учётом трансформации и усложнения ценностно-смысловых и социально-нормативных систем. Здесь «речь идет в первую очередь о новых элементах этики, о новых моделях работы с различными ценностями... будут политики, связанные с использованием океана, такие же сквозные политики по космосу, и в районе 2050 года мы ожидаем тотальной перезагрузки модели прав человека. Вот та модель прав человека, которая проявилась и сложилась уже 70 лет назад, фактически после Второй мировой войны, она будет крайне существенно пересмотрена в другую модель, которая связана с правом на доступ к чистому воздуху, с правом на доступ к еде, с правом на обеспечение других базовых прав» [2, с. 8].

В этом отношении можно прогнозировать появление принципиально новых юридических институтов и комплексов, а также различных форматов машинного регулирования цифровых форм взаимодействия и алгоритмических систем нормирования и разрешения конфликтов (инжиниринговое нормирование, машинное право, электронное правосудие и т.п.). В то же время обострится конкуренция за доминирование конкретной ценностно-нормативной модели, социотехнических принципов права и духовно-нравственных стандартов, которые будут положены в основание национальных и глобальных систем развития процессов технологизации общественных систем.

Очевидно, что любая правовая система базируется на определенных принципах; в свою очередь, принципы права представляют собой основополагающие идеи, руководящие начала, положения, выступающие фундаментом, на котором строится система права. Правовой принцип – это норма широкого диапазона действия, воплощение начал, которые пронизывают все уровни правовой жизни [3, с. 668]. С функциональной точки зрения существенной является способность принципа соучаствовать в создании новых правовых норм. Принцип оправдывает, легитимирует норму-правило, «сопровождает ее по пути» к практическому осуществлению, контролирует ее применение, позволяет дать систематическое толкование, выявить глубинный смысл нормативного требования применительно к ситуации. Принцип права лежит в основе регулирования общественных отношений, фиксирует и одновременно прогнозирует тенденции общественного развития; как нормативно-целевой ориентир формирует будущие модели взаимодействия и направляет развитие отношений в нужное русло, поскольку принцип, как и норма, есть регулятор, работающий в целях упорядочения общественных отношений [4, с. 138].

Современное развитие и состояние отношений с участием искусственного интеллекта, существующее сегодня нормативно-правовое регулирование данной сферы характеризуются фрагментарностью и бессистемностью. Общественные отношения, связанные с искусственным интеллектом и их регулированием, как и в целом с цифровыми технологиями, находятся в фазе их активного и продолжающегося развития, не являются устоявшимися, а типичные модели взаимодействия еще не сформированы.

Основной проблемой в области упорядочения отношений с участием искусственного интеллекта и других цифровых технологий является попытка механистичного переноса уже существующих моделей регулирования на принципиально иные, ранее не существовавшие отношения. Такой искусственный перенос затруднительно назвать эффективным; он не способствует развитию самих отношений и их регулированию, а, наоборот, может тормозить их. При таких условиях все большую актуальность приобретает опережающее правотворчество.

Опережающее (превентивное) правотворчество предполагает принципиальную возможность и способность права опосредовать, «подтягивать» общественные отношения к некоторому состоянию, тем самым оно конструирует и создает новые формы социального взаимодействия. Опережающее правотворчество сущностно характеризуется прогностической составляющей, что является особенно актуальным в наступающую цифровую эпоху, когда отношения находятся в стадии активного развития, а момент, когда отношения сформируются и станут устоявшимися, как видится, вряд ли будет достигнут в обозримом будущем. «Решения, от которых, возможно, зависит жизнь человечества, не должны быть приняты де-факто, после того как случится множество непоправимых вещей, они должны быть тщательно обдуманы и взвешены» [5].

Вышеуказанное предопределяет *цель исследования* настоящей статьи – в контексте национального образа технологического будущего российского общества предложить принципы государственно-правового регулирования отношений на примере отношений с участием искусственного интеллекта. Предмет исследования – принципы государственно-правового регулирования отношений с участием искусственного интеллекта как инструмент государственной политики в сфере технологического развития и цифровой трансформации общества. Методологическая основа исследования опирается на разработки в области общей теории права и государства, отраслевых юридических наук и др. Для формирования принципов государственно-правового регулирования отношений в контексте национального образа технологического будущего российского общества использовались методы правового моделирования и прогнозирования; для выявления специфики исследуемой темы и выведения ряда обобщающих выводов – методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, аналогии.

Основная часть

Предполагается, что принципы, которые будут упорядочивать отношения с участием искусственного интеллекта и моделировать развитие технологий, не должны быть точной копией уже существующих и действующих принципов. Существующие сегодня принципы распространяют свое воздействие и на новые технологии, являются обязательными, поддерживаются силой государства. При этом классические правовые принципы приобретают новые грани и оттенки; происходит преломление уже существующих сегодня общеправовых принципов в отношениях с участием систем ИИ. Так, например, всем известный принцип законности распространяется и на отношения, связанные с системами ИИ; может выражаться в запрограммированном соответствии закону разрабатываемой модели, соблюдении действующего законодательства как самой системой, так и человеком при взаимодействии с системой и другими лицами.

Искусственный интеллект, как и другие инновационные технологии, являясь частью глобального процесса цифровизации, существенно меняет устоявшиеся черты социума, приводит к значительным изменениям в жизни общества, а потому требует особого внимания и отдельного подхода.

Кроме того, значимость принципов регулирования отношений, связанных с системами ИИ, заключается в том, что они предотвращают разрушение уже существующих правовых принципов, становятся для них дополнительной поддержкой.

В связи с вышеизложенным предлагается закрепление следующих принципов нормативно-правового регулирования отношений с участием систем ИИ.

Принцип служения человеку и обществу. Данный принцип предполагает, что создание и применение систем ИИ должно быть во благо человеку и обществу; во многом продиктован гуманистическими соображениями. В системе «человек – технологии» технологии существуют для человека, а не наоборот. Правовое государство наших дней основано на верховенстве гуманистического права – права, утверждающего свободу и достоинство личности, которые, безусловно, требуют уважения. В связи с этим, во-первых, должно быть под запретом создание таких систем ИИ, которые способны по собственной инициативе целенаправленно причинять человеку вред; во-вторых, человек не должен умалять человеческое достоинство своим обращением с системами ИИ. Соответственно, системы ИИ должны разрабатываться и работать таким образом, чтобы быть совместимыми с идеалами человеческого достоинства, прав и свобод человека, многообразия культур.

Данный принцип перекликается с законами робототехники, сформулированными Айзеком Азимовым: первый закон категорически запрещает роботу вредить людям, второй – приказывает роботу подчиняться людям до тех пор, пока это не станет противоречить первому закону, и, наконец, третий закон приказывает роботу защищать свою жизнь, не нарушая первых двух. Позднее был предложен и нулевой закон – робот не может причинить вред человечеству [6].

Принцип комплементарности (субсидиарности, дополнительности). ИИ должен дополнять, а не заменять человека, должен стать не технологией, которая вытеснит людей, а технологией, которая позволяет им лучше делать свою работу.

Учитывая современное состояние развития технологий ИИ, можно с уверенностью сказать, что все существующие системы являются узкоспециализированными, направленными на решение конкретных строго определенных задач, а не на выполнение работ как таковых или социальных ролей.

Принцип ответственности человека. Система ИИ всегда должна содержать указание на лицо, ответственное за действия систем ИИ и последствия этих действий (например, разработчик, собственник, оператор и т.п.).

Требование, согласно которому у всякого ИИ должно быть лицо, отвечающее за его действия, поможет ограничить те проекты, которые будут нести значительную опасность или противоречить морали и общественной нравственности. Так, например, в свое время был введен и действует уже более двадцати лет полный запрет на эксперименты по клонированию человека.

Вопреки некоторой иллюзии полной автономности и самостоятельности система действует так или иначе в интересах конкретных субъектов, поскольку собственного правового интереса у системы нет и быть не может.

Данный принцип также связан с фундаментальным общетеоретическим положением о том, что нести юридическую ответственность в любом ее виде может только субъект [7]. Система действует или выдает результат на основе тех алгоритмов и данных, которые в нее заложены, а уже их оценкой и применением занимается человек, т.е. деятельность системы зависит от человека, ее создает человек и влияет на нее тоже он. Учитывая уровень развития технологий и современное видение правовой

природы систем ИИ исключительно как объекта, речь о возложении ответственности на системы ИИ на современном этапе и в ближайшем будущем не идет. Это позволяет избежать возможности произвольного ухода от ответственности или ее размывания. В случае ошибок проектирования или недостатков дизайна технологии ответственность будет возложена на создателя, разработчика; при использовании и применении систем ответственными могут быть собственник, владелец, оператор или пользователь; в отдельных ситуациях, например в случае стороннего вмешательства в деятельность системы, – третьи лица, осуществившие такое вмешательство.

В связи с этим предлагается рассмотреть закрепление такого варианта ответственности, как *коллективная или разделенная ответственность*. Она предполагает модель ответственности за действия искусственного интеллекта, в которую были бы включены производитель, программист, пользователь и все прочие вовлеченные лица. В данной ситуации первичной должна быть объективная сторона правонарушения, т.е. нужно выяснить, нарушил ли человек, связанный с деятельностью искусственного интеллекта, свои обязанности по отношению к нему. Такая концепция соответствует принципам справедливости, во всяком случае на данном этапе, поскольку она предполагает личную ответственность лиц, так или иначе связанных с системой искусственного интеллекта.

Принцип осведомленности. Этот принцип можно раскрыть как минимум через два аспекта: информированность об опасности систем, порядке их эксплуатации и обязанности уведомлять пользователя о контакте с системой ИИ, а не с человеком.

Информированность об опасности предполагает, что в открытом свободном публичном доступе должна находиться вся информация об опасности, в том числе потенциальной, которую любая система ИИ (в особенности в киберфизических формах) несет для человека, общества, окружающей среды и т.д. Кроме того, необходимо определение условий использования и донесение этой информации до пользователей. Создатель, разработчик должны заранее определить, где именно и при каких условиях конкретная система может быть использована, а также ограничения ее использования. Пользователь должен знать, с чем он взаимодействует и как его поведение будет влиять на безопасность системы. Представляется, что уровень информационных обязанностей может различаться в зависимости от степени риска причинения вреда системой ИИ.

Обязанность при взаимодействии уведомлять пользователя о контакте с системой ИИ, а не человеком, отражает право пользователя знать, с кем он имеет дело. Это в свою очередь имеет как минимум два важных последствия. С одной стороны, такая обязанность способствует предотвращению манипуляций человека «машиной». Например, уже сейчас известен случай, когда чат-бот обманул человека, чтобы тот решил для него «капчу» (тест, представляющий собой изображение с искаженным текстом, который проверяет, что пользователь – человек, а не компьютерная программа) [8].

Языковая модель наняла человека через сайт по подбору персонала, и на вопрос, не робот ли это, чат-бот притворился человеком с нарушением зрения и попросил помощи. Таким образом, создается обширное поле для различного рода мошенничества и прочих злоупотреблений доверием человека. С другой стороны, уведомление о контакте с системой, а не человеком, позволит избежать рисков размывания или попыток ухода ответственности, как, например, в уголовном деле о покушении на сбыт наркотических веществ, когда подсудимая обжаловала приговор (ссылаясь на отсутствие квалифицирующего признака состава преступления – совершение преступления группой лиц) на основании того, что переписка осуществлялась с искусственным интеллектом, который нанял ее на работу, поручал проведение операций по раскладке и фотографированию тайников [9].

Учитывая пример с чат-ботом, такие ситуации гипотетически могут возникнуть и, скорее всего, в будущем возникнут, хотя практическим решением абсолютного большинства сходных проблем может стать предварительное уведомление пользователя. Применение принципа осведомленности как обязанности ставить в известность о взаимодействии человека с системой ИИ служит для предотвращения манипуляций, предостерегает от введения в заблуждение и размывания ответственности человека за содеянное.

В этом плане государственная политика в эпоху кардинальных технологических изменений и цифровой трансформации политической организации должна не только быть комплексной, учитывать различные аспекты технологической эволюции общественной системы, но и *обеспечивать гармоничное сочетание* инновационного (технологического) и социокультурного (цивилизационного) развития общества. Неслучайно сегодня, в период цифровой трансформации власти, права, экономики, культуры и т.д., оформляется и новое направление, отвечающее данным вызовам и потребностям общественного развития, – технологическая политика государства.

В настоящее время *технологическая политика государства* – это достаточно комплексное и стратегическое направление, которое реализуется не только государством, но и различными гражданскими институциями. Она связана: со стимулированием развития критической технологической инфраструктуры и алгоритмических решений в современном обществе (например, внедрение систем искусственного интеллекта, технологий больших данных, блок-чейн технологий во властно-управленческую деятельность); с обеспечением цивилизационной безопасности, сохранением гуманистической направленности в технологических инновациях; с воспроизводством национально-культурных оснований общественной системы в ходе цифровой трансформации политических, экономических, правовых и других институтов; с продвижением национальных технологических решений на глобальный и внутренний рынок (экспорт ценностно-нормативных моделей, защищающих права, свободы, законные интересы человека и общества, на международный уровень и многое другое).

Технологическая политика каждого конкретного государства дает ответ на ряд фундаментальных вопросов общественно-политической реальности: что значит быть человеком в век технологической эволюции; возможно ли общество как социокультурная целостность в эпоху виртуальной коммуникации и алгоритмизации разнообразных интеракций; на каких ценностях и принципах будет развиваться социально-экономическая и общественно-политическая жизнедеятельность в период кардинальных изменений и многие другие вопросы, ответ на которые сегодня вынуждено брать на себя государство.

Именно государство как политико-правовая организация общества обеспечивает сегодня ценностно-смысловую и нормативно-регулятивную основу развития процессов цифровизации и технологической трансформации, что значительно страхует человечество от разнообразных цивилизационных опасностей, рисков и угроз. Существенно изменяются и социальная роль, назначение и приоритетные направления деятельности (функции) государства как политического института в цифровом обществе.

Кроме того, в рамках национальной политики государства в сфере обеспечения и защиты прав человека и гражданина принимаются различные юридические нормы и правовые институты, закрепляющие право на доступ в цифровую сеть и получение цифровой информации, право на цифровую конфиденциальность, право человека на данные и управление своей цифровой информацией, право на цифровую безопасность, право на цифровую приватность, право на забвение и проч. [10]. Например, ГК РФ признает в ст. 141.1 наличие у граждан цифровых прав, которые они могут осуществлять и которыми могут распоряжаться, «в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только

в информационной системе без обращения к третьему лицу», а «если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом» [11].

В то же время сегодня нет пока единства в понимании и толковании «новых цифровых прав и свобод»: являются ли они лишь очередным поколением прав человека или, напротив, интенсивность технологической и цифровой трансформации человечества постепенно формирует принципиально новый каталог прав человека, а также новые международные и национальные формы, инструменты и режимы их обеспечения и защиты. В первом случае, например, в рамках европейско-американского дискурса обосновывается, что доктрина прав человека постоянно развивается, и вслед за тремя поколениями прав и свобод человека¹, получившими международно-правовое (Всеобщая декларация прав) и государственно-правовое (на конституционно-правовом уровне современных государств) оформление, с середины XX в. начинают складываться новые два поколения прав человека – соматические (от древнегреч. *sōma, sōmatos* – тело, телесный) и цифровые.

«Соматические права человека» являются политико-правовой доктриной западного мира и уже получили свое конституционно-правовое оформление в ряде европейских государств. Перечень соматических притязаний человека («соматических прав») включает: «1) право на смерть; 2) права человека относительно его органов и тканей; 3) сексуальные права человека; 4) репродуктивные права человека, как позитивного характера (искусственное оплодотворение), так и негативного характера (аборт, стерилизация, контрацепция); 5) право на перемену пола; 6) право на клонирование как всего организма, так и отдельных органов; 7) право на употребление наркотиков и психотропных веществ» [12]. Более того, к соматическому притязанию человека добавляют также права, связанные с так называемыми свободами в технологическом обновлении тела (внедрение различных технологических новаций, роботизированных устройств, чипов, электронных органов и т.п.) и цифровом бессмертии (выгрузка сознания человека в цифровой мир). Отметим, что большинство стран мира и народов не приемлют данную доктрину соматических прав и свобод, поскольку она подрывает цивилизационные и государственно-правовые основы данных стран, а по большому счету традиционное понимание человека.

Безусловно, цифровые права человека сегодня находятся на стадии формирования; их развитие связывается главным образом с защитой человека от разнообразных угроз цифровой трансформации общественных систем (негативные права), а также с правами человека в рамках нового формата социально-экономической (цифровая экономика) и политико-правовой (цифровая политика, цифровое право) организации общества в XXI в. (позитивные права). В первом случае (негативные права) это каталог прав, связанный с защитой человека от злоупотребления цифровыми технологиями в политике, экономике, культуре, сглаживающий неравенство в цифровом развитии и цифровых компетенциях, защите общечеловеческих, национальных и этнокультурных ценностей

¹ Первое поколение прав человека – политические права (право на участие в управлении государством, избирательные права, право на жизнь и свободу, право собственности и др.). Второе поколение прав человека – социально-культурные, экономические (право на труд, право на социальное обеспечение, право на творчество, право на образование, право на участие в культурной жизни общества, право на медицинскую помощь и др.). Права третьего поколения фиксируют, прежде всего, коллективные права (право на мир, право на пользование здоровой и чистой окружающей средой, право экономического, политического, культурного самоопределения и др.).

перед угрозами глобальной цифровизации и развития метавселенных, в том числе обеспечение и защита традиционных прав, свобод и законных интересов в цифровом пространстве (свобода слова, свобода выбора, собственности, в том числе цифровой собственности, например на цифровой домен, цифровой контент и т.д.).

Во втором случае (позитивные права) обсуждается фундаментальное право человека на производимые им данные в цифровом пространстве коммуникации, так как данные, которые собирают разнообразные платформы (пользовательская активность, биометрические данные, рациональные решения, когнитивные и эмоциональные предпочтения и проч.), являются главным ресурсом развития цифровой экономической, политической, культурной и других современных социотехнических систем. На основании последних формируются прогнозные и иные поведенческие продукты, управленческие «цифровые паттерны», обучаются и совершенствуются разнообразные системы искусственного интеллекта и т.п.

Таким образом, можно уже сегодня прогнозировать формирование в будущем всеобщей декларации цифровых прав и свобод цифрового взаимодействия, в содержание которых будут включаться как вышеобозначенные, так и новые негативные и позитивные права и свободы человека. Главный вопрос здесь будет связан с тем, какие ценностно-нормативные модели и духовно-нравственные стандарты будут положены в основание данного международного документа. Будет ли навязываться всем странам евро-американская модель и ее культурные стандарты или это будет консолидированный, договорной формат интегративной модели, например Евразийского пространства и глобального Юга. Формат такого нового международного порядка и основные принципы равноправного, плюралистического, но консолидированного мира были предложены Президентом РФ В.В. Путиным 5 октября 2023 г. в рамках заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» [13].

Заключение

Национальный образ технологического будущего российского общества неразрывно связан с особенностями формирования правовой политики государства под влиянием процессов цифровизации и усложнения ценностно-смысловых и социально-нормативных систем.

В условиях непрерывно развивающихся отношений с участием искусственного интеллекта необходимо определять регулирующие рамки и вектор развития этих отношений в соответствии с концепцией опережающего правотворчества, поскольку именно при таком подходе возможно избежать негативных эффектов, связанных с непредсказуемым развитием технологий. В этой связи наиболее оптимальным правовым инструментом представляются правовые принципы. Система принципов права обеспечивает предсказуемость практик взаимодействия и стабильность системы права, гарантирует и способствует реализации прав человека. Принципы являются залогом повышения качества правового регулирования, средством достижения высокой эффективности правового поведения.

Предложенные в данном исследовании принципы нормативно-правового регулирования отношений с участием искусственного интеллекта направлены на гармонизацию системы правовой фиксации вопросов, связанных с данными технологиями, и минимизацию этико-правовых рисков (сохранение антропоцентричности и гуманистической сущности права в отношениях человек-машина), справедливого распределения ответственности за вред, причиненный системой ИИ, манипуляций человека «машинной» и рисков размывания и ухода от ответственности.

Принципы государственно-правового регулирования закладывают основу построения наиболее предпочтительной модели развития общества. Основной задачей

государственной политики в эпоху кардинальных технологических изменений и цифровой трансформации политической организации является обеспечение гармоничного сочетания инновационного (технологического) и социокультурного (цивилизационного) развития общества. На этом фоне выделяется новое направление, отвечающее данным вызовам и потребностям общественного развития, – технологическая политика государства. В рамках этого нового направления будет сформировано ценностно-смысловое наполнение новых цифровых прав, которое базируется на цивилизационных государственно-правовых основах страны.

Полученные в исследовании результаты могут быть полезны при совершенствовании доктринальных и программно-концептуальных правовых актов, создающих национальный образ технологического будущего российского общества, а также при формировании нормативно-правовых положений, касающихся государственно-правового регулирования отношений, в том числе с участием искусственного интеллекта.

Список источников

1. Хэ Миндзюнь. О необходимости национального и международного регулирования процессов цифровизации // Международная торговля и торговая политика. 2022. Т. 8, № 2 (30). С. 138–147.
2. Сборник лекций Дмитрия Пескова. Якутск: Якутская республиканская типография им. Ю.А. Гагарина, 2023. 120 с.
3. Мальцев Г.В. Социальные основания права. Москва: Норма, 2007. 800 с.
4. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. Москва: Формула права, 2008. 400 с.
5. Шибаева К.В., Холова Л.Н. Три закона робототехники Айзека Азимова: к вопросу гуманности применения смертоносных автономных систем вооружения на войне // Теология. Философия. Право. 2018. № 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-zakona-robototekhniki-ayzeka-azimova-k-voprosu-gumannosti-primeneniya-smertonosnyh-avtonomnyh-sistem-vooruzheniya-na-voyne>
6. Щитова А.А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Московский гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина. Москва, 2022. 225 с.
7. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. Москва: Изд-во РАП, 2008. 304 с.
8. GPT-4 «обманул» человека, чтобы тот решил для него «капчу» // DTF. URL: <https://dtf.ru/life/1691532-gpt-4-obmanul-cheloveka-chtoby-tot-reshil-dlya-nego-kapchu-chat-bot-pritvorilsya-slabovidyashchim>
9. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 18.03.2021 № 22-1024/2021 // КонсультантПлюс (Документ опубликован не был).
10. Умнова И.А., Алферова Е.В., Алешкова Е.А. Цифровое развитие и права человека: монография. Москва: ИНИОН РАН, 2021. 174 с.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
12. Абашидзе А.Х., Солнцев А.М. Соматические права как вызов // Права человека и вызовы XXI века: учеб. пособие / под ред. А.Х. Абашидзе. Москва: РУДН, 2016. 336 с.
13. Владимир Путин принял участие в пленарной сессии юбилейного XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444>

References

1. He Mingjun. On the Need for National and International Regulation of Digitalization Processes. *International Trade and Trade Policy*. 2022; 8 (2 (30)): 138–147.
2. Collection of lectures by Dmitry Peskov. Yakutsk: Yakutsk Republican Printing House named after Yu.A. Gagarin; 2023. 120 p.
3. Maltsev G.V. Social Foundations of Law. Moscow: Norma; 2007. 800 p.
4. Tikhomirov Yua. Legal Regulation: Theory and Practice. Moscow: Formula of Law; 2008. 400 p.
5. Shibaeva K.V., Kholova L.N. Isaac Asimov's Three Laws of Robotics: On the Issue of the Humanity of Using Lethal Autonomous Weapons Systems in War. *Theology. Philosophy. Law*. 2018; 4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-zakona-robototekhniki-ayzeka-azimova-k-voprosu-gumannosti-primeneniya-smertonosnyh-avtonomnyh-sistem-vooruzheniya-na-voynе>
6. Shchitova A.A. Legal regulation of information relations on the use of artificial intelligence systems: dissertation for the degree of candidate of legal sciences: 12.00.13 / Moscow state law university named after O.E. Kutafin. Moscow; 2022. 225 p.
7. Vitruk N.V. General theory of legal liability: monograph. Moscow: Publishing house of RAP; 2008. 304 p.
8. GPT-4 "tricked" a person into solving a captcha for him. *DTF*. URL: <https://dtf.ru/life/1691532-gpt-4-obmanul-cheloveka-chtoby-tot-reshil-dlya-nego-kapchuchat-bot-pritvorilsya-slabovidyashchim>
9. Appellate ruling of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan dated 03.18.2021 № 22-1024/2021. *ConsultantPlus* (The document was not published).
10. Umnova I.A., Alferova E.V., Aleshkova E.A. Digital development and human rights: monograph. Moscow: INION RAS; 2021. 174 p.
11. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 11.03.2024). *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
12. Abashidze A.Kh., Solntsev A.M. Somatic rights as a challenge. *Human rights and challenges of the 21st century: textbook. manual* / edited by A.Kh. Abashidze. Moscow: RUDN; 2016. 336 p.
13. Vladimir Putin took part in the plenary session of the jubilee, XX meeting of the Valdai International Discussion Club. *Official website of the President of Russia*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444>

Информация об авторах:

Мамычев Алексей Юрьевич, д-р полит. наук, канд. юрид. наук, доцент, зам. декана по международным связям, профессор каф. российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, mamychev@yandex.ru

Матюк Юлия Сергеевна, ст. преподаватель каф. теории и истории российского и зарубежного права, младший научный сотрудник лаборатории социально-экономических и политико-правовых исследований, ФГБОУ ВО «ВВГУ», г. Владивосток, 5080mm@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.29039/2949-1258/2024-4/104-114>

EDN: <https://elibrary.ru/QUQEFY>

Дата поступления:
22.09.2024

Одобрена после рецензирования:
27.09.2024

Принята к публикации:
15.10.2024